

Жена Ивана Зорина уехала три недели назад. Позвонил тесть и сказал, что заболела ее мать. Пару дней дорожная сумка была центром дома, как показалось Ивану и детям. Они обходили сумку стороной, удивляясь той бездонности, с какой она поглощала их уют.

А в остальном – до отъезда – все было как обычно. Только Иван ходил по дому с какой-то прохладцей в душе. Запомнился один момент, когда отражения супругов пересеклись в большом зеркале. И что поразило, это мгновенное отсутствие домашней обстановки, как будто они стояли в голом туманном пространстве. Потом все, конечно же, восстановилось: край дивана, изодранного кошкой, книжный шкаф с голубым отливом в верхнем стекле. Жена повернулась, и Зорин заметил новые морщинки возле ее глаз. Тонкие и одинаковые, как очертание двух лепестков:

– Детям витамины давай, я написала тебе на листочках: какие и когда! – Она примерила цепочку перед зеркалом. – И привяжи собаку!

– Нет! Он никогда не сидел на цепи. Будет выть!

Жена выглядела расстроенной:

– Валяется в клубнике и роет землю возле клематиса!..

Она родилась далеко от Сибири. Но приехала за мужем. Подруг здесь не завела, кроме двух-трех, с которыми лежала в роддоме: они дружили, как фронтовые товарищи.

И вот прошло уже три недели. Проводил с легким сердцем, думал: ненадолго. Но у разлуки свой отсчет!..

Жена гостила у родителей, ухаживала за матерью, и когда звонила домой – говорила отрывисто, особенно с детьми, будто сдерживая слова тоски. А Иван слышал знакомые пестующие нотки, с какими она ободряла проснувшиеся весной почки на клематисах или наметившийся бутон у английской розы.

С недавних пор появилось у Зорина чувство вины перед женой. Прожили они пятьдесят лет. И чем дальше, тем лучше. Жена становилась год от года все красивее и роднее. А в душе Ивана возматало не то, чтобы удивление, но какое-то беспокойство...

2

Сегодня пришла посылка. А среди книг – девичий альбом в коричневой коже. Надо же, столько лет хранила! Слово боялась что-то показать.

Иван чистил картошку для ужина, выбирал из ведра покрупнее, и вспоминал недавнее: как жена подкапывала вилами картошку, – осторожно, чтобы не проткнуть клубни, – а он рыл ладонями ямку, иногда они встречались запыленными ладонями.

Сыновья тоже чувствовали сиротливость. Стали более послушными. «Что сегодня будем есть?» – спрашивали скромно, надеясь, чтоб у папы не подгорело чего-нибудь.

Младший сын – обвешанный ковбойской кобурой с пистолетами по бокам – открыл холодильник:

– Лампочка не горит! – заметил по-хозяйски.

– Починим, – отозвался отец.

– Холодильник уже старый! Пора менять!

– Нет еще... Ему, – задумался Иван, вспоминая, когда они с женой купили холодильник, – тоже восемь лет, как и тебе!

Сын прислонился спиной к белой дверце, шаркнув ладонью по своей вихрастой макушке:

– Он старше!

Холодильник был выше на голову.

Вошел старший сын, слегка покачивая плечами от привычки слушать музыку через наушник. В руках он держал коричневый альбом.

– Смотри сюда! – позвал брата. – Школьный бойфренд мамы! На всех фотках рядом.

Старший сын мельком глянул на отца, угадывая в его глазах те же мысли.

– Петрикин, – прочитал младший.

– Ты был бы Петрикиным!

– Почему? – посмотрел на отца удивленно.

– Если бы мама осталась в своем городе, то вышла бы за него замуж...

Старший засмеялся, он почувствовал, что папа тоже против губастого парня, с полукруглой табличкой для фамилии, как старинный указатель номера на доме.

– Правда, папа?

Иван забрал альбом:

– Нет. Вы бы вовсе не родились...

– А где ж мы были... бы? – насторожились мальчики.

– Лежали бы горошинами судьбы где-нибудь на полках!

Иван не стал уточнять дальше.

Детям ответ не понравился. Старший включил плеер и ушел, восприняв неуверенность отца как свою правоту. Младший, заметив, что папа хочет достать что-то из холо-

дильника, капризно подпер его спиной. Он требовал внимания к детской душе, и прояснения непонятного смысла «горошин судьбы».

Иван отодвинул мальчика, сопроводив ладонью по затылку, делая вид, что торопится бросить сосиски в кипящую воду. К тому же надо было подкинуть дров в баню.

Младший сын отодвинулся, сощуриив хитрые глаза: мол, ладно-ладно, не буду дуться, чтобы ты не мучился потом угрызениями совести!

Так уж получилось: первого ребенка воспитываешь, как тебя родители, второго – как сам бы хотел в детстве.

3

Иван вышел во двор. Подошелся дорожке сада.

– Будешь мне звонить? – спросила жена при расставании возле этого куста бордовых роз.

– Буду.

– Когда-то ты писал мне письма!

– Скучал!..

Невыясненные отношения с мужем были для нее, словно незанятый клочок земли в саду!

Почти каждое утро заморозки осыпали бордовые бутоны снежной пудрой. Темно-сизый бархат нижних лепестков подламывался на сгибах. И это опять вызвало ощущение хрупкости любимого образа.

Солнце освещало соседние кусты английской розы с вялыми листьями, потерявшими блеск, как мокрая бумага. В середине дня теплые лучи пробирались в бледно-розовые полураскрытые бутоны и зажигали в них оранжевый фитилек.

Женщина, которая выращивает цветы, кажется немного чужестранной. А в саду было много цветов; каждый год жена находила и высаживала все новые.

Зорин нагнулся, обнаружив в жухлой траве «царапку» для рыхления земли. Они искали ее все лето! В глубине сада, где сиреновой гривой на решетке разметался лиловый клематис, под яблоней стояла скамейка и столик. Иван смахнул со стола желтый прилипший листок, остался на доске на его влажный отпечаток.

Такой же оттиск был на коже альбома.

Толстые картонные страницы, увешанные фотографиями. Обычный расклад: вначале младенец на руках мамы – цветастый кулек в кружевах. Потом уже что-то щекастое, глазастое, кулачки сжало, еще не разделяя гордости родителей...

Далее на страницах – девочка с куклами, короткое платьице, на коленках ямочки. Еще у бабушки в деревне: улица в снегу, мужики с гармонью, шапки набекрень, девочка «сурьезная», отстраненная, одна только и ждет птичку из объектива... Еще фото с подружками, банты как у лунатиков. А вот уже «14 лет» (надпись с восклицательным знаком) банты упразднены, головушку клоним рассеянно, играя золотистой волной легких, как девичьи мысли, волос...

Затем пошла по жизни – студентка, серьги и блеск в глазах. Дин Рид с гитарой на стене общежития. Первые кудри, жеманные позы. Институтский субботник: лопаты, транспаранты, простой советский мусор у бордюра. Зимняя шапка, черное пальто и котенок на руках. Темные лепестки глаз (Иван вспомнил родные морщинки!) припорошили ворс белого меха...

А на этой странице лето: пляж и подруги. Тот же долгий взгляд, лепестковый разрез глаз. И какая-то знакомая озабоченность на лице: как будто пытается, но не может вспомнить, что у нее дома муж и дети не кормлены! Вот она входит в воду: тот же округлый живот, добротные бедра, хрупкие плечи, тонкие ключицы. Длинными пальцами играет по волнам, будто нажимает клавиши!

Сердце вздрогнуло! – стоит по пояс в реке: правой рукою выгибает левую ладонь, так что напрягаются жилки и заостряются смуглые костяшки, выказывая ее мучения холодной водой. Она и сейчас так же медленно заходит в реку. Но до этой фотографии Иван был уверен, что ее жест – «пожалей меня!» – обращен только к нему, и никому больше!

4

Перевернув последнюю страницу, ему не хотелось расставаться с женой.

Зорин оглядел сад, ища в нем поддержку. Он опять открыл альбом. Теперь младенчик напоминал ему первые весенние цветы: желтая примула, в народе – первоцвет. В саду растет под вишней. Меж жухлой травы и плесени от сошедшего снега, фиалка возникала зябкими коротконогими цветками и махровыми листочками, и пушистым начесом от холода.

А эта подростковая фотография веселой девочки похожа на гибкие башенки дельфиниума. В саду он растет за кустом красной смородины. Его закрытые цветки напоминают темно-синюю голову дельфина с характерной надлобной выпуклостью и улыбающимся прикусом, внутри которого угадывалась нежная лазурь. Цветочки дельфиниума раскрываются снизу, теряя подростковую угловатость, и до неузнаваемости обвив себя синим шелком.

А что уж говорить о юности! Она ярка и многолика. Для сравнения с девушкой, которая стала его женой, Иван остановился на аквилегии. Она росла в саду меж рядов клубники. Цветы – синие, голубые и лиловые шапочки с длинными загнутыми лепестками, похожие на языки с утолщениями на концах, словно колокольцы на шапках клоунов. Желтая аквилегия крупнее синей раза в три, и оттого кажется хрупкой и чуть неряшливой. Кустистая и раскидистая, она стоит будто на цыпочках, поглядывая во все стороны. Трепет склоненных мармеладных ресничек придает желтой аквилегии застенчивый и близорукый вид. Нераспустившиеся бутоны ее очень малы, и похожи на наконечник стрелы, с расходящимися шипами. Юная аквилегия хочет казаться опасной, разящей, но на самом деле – беззащитна до самого последнего цветочка.

5

Дым из трубы гнуло к земле и уносило через соседний забор. В сумерках цветы клематиса зажмурили желтые глазки. По телу пробежал озноб, словно от февральского мороза.

В предбаннике уже ждала она! На гвозде, меж веников, висел летний сарафан. Она и зимой приходила в нем: сбрасывала шубу с голых плеч, и, вставши боком к мужу, вытягивалась, поднимая сарафан, становясь по-девичьи голенастой и худосочной. Скинув валенки, жена скрывалась за низкой дверью в парную.

Когда входил муж, шурша новыми, сухими еще вениками, жена уже сидела на полке, крепко обняв колени и нагнув голову.

Некоторое время сидела молча (с годами становится все меньше тех звуков и слов, на которые откликалась ее душа), до первого пота. Тело покрывалось мелкой липкой росой и начинало зудиться, будто на него надели какую-то душную скользкую рубаху.

Потом начинали спорить: плеснуть на каменку или рано? Жена оглаживала свои плечи и бедра, оставляя от следов ладоней розовые полосы:

– Ну, поддай. Только немного!

Ковшиком черпал Иван кипяток и ставил на полочку. Жена выливала в него пихтового масла, брала в руки веник, прикрываясь им как щитом:

– Давай!

Белесые камни взрывались, как порох. Струйка пара влажно лизнула край печки и мгновенно исчезла. Зато откат жара был до самого потолка!

С полминуты они таили дыхание, чувствуя, как сушит губы кипятковый воздух. Жена натягивала глубже шапочку и немного поеживалась, втягивая живот, похожий на белый груздь в молочной росе. Такой, бывало, найдешь в туманной ложбинке, будто споткнувшись (сердце колотится тоскливо), встанешь перед ним на колени, а взять не можешь! Лишь пальцами осторожно трогаешь тугую плоть...

Первой парилась жена: пробегая веником по голеням и ступням, с шелестом, похожим на звуки мелкого летнего дождика. Она вытягивала поочередно ноги, носочками чуть вверх, плавно поворачивала их, пружина на крепких икрах, и все убыстряла удары веником:

– Еще давай... только немного!

Иван плескал кипятком на камни, но жена уже не хлестала себя, а лишь прикладывала к телу, со смачными оттяжками, горячие лепешки распаренных листьев. После бросала веник и соскальзывала с полки вниз. Согнувшись и (у мужа мутнело в глазах), округляясь в бедрах, она набирала в тазик холодной воды. Умывалась с блаженством, задерживая прохладные ладони на горячем лице и прижимая локти к груди.

Когда жена уходила, Зорин зачерпывал, не глядя, кипятка из бака и привычным толчком бросал его на урчащие камни.

Разъяренный жар вылетал, как рой из улья, впиваясь в тело со всех сторон. Иван дупил себя без разбора, меняя руки – пальцы не выдерживали! А кожа только дубела и даже заранее чесалась там, куда направлялся удар веника.

Тем временем в предбаннике жена намазывалась горячим медом. Муж выскакивал из парной с перевернутым сердцем, открывал вторую дверь и падал в снег.

В сумерках расплывались ветки вишни, плясали темные гроздья рябины. Возвращался он степенно, влажной ладонью слегка приликая к обмороженной дверной ручке. Проходя мимо жены, Иван ронял, будто нечаянно, мокрый снег на ее колени. Жена вскрикивала и отстранялась:

– Ну, не надо!..

Зорин опять взбирался на полок и замирал, чувствуя, как дырявит плечи колючая тяжесть снега, как потом соскальзывает с груди прохладными ручейками.

Приоткрывалась дверь, жена протискивалась, стараясь затеряться в парной и распространяя запах горячего меда. У нее уже мягко округлились плечи и согнутые локти; чисто розовым светом покрылось разнеженное тело.

Жена капризно показывала ему колено:

– Смотри, куда попал! (Сейчас бы расцеловал это место!)

В бане она была особенно осмотрительна, каждое движение начинала плавно и точно:

– Ну, что, сейчас я кину?

– Кидай!

Жена черпала кипяток и бросала на камни. Каменка выдавала влажный пар: он слезил глаза и оседал на теле крупной росой. Охаживая себя всхлипывающими ударами веника, она откидывала назад и чуть вбок голову, чтобы поглубже достать спину, высоко задирала локти, так что груди ее мелко дрожали. А розовые круги сосков расплывалась, словно мятая клубника в молоке...

Сглотив тоску, обмыл лицо из тазика, ощутив на губах горечь березового настоя. Перед дорогой говорили много, а в баню сходить не успели. А ведь только здесь можно поговорить по душам, не спеша, и главное – в бане выпаривалась горечь мелких обид и соль недомолвок.

Поддавал он уже без удовольствия, за шумом веника стараясь представить, как жена одевается сейчас в предбаннике. А дома встретит его с полотенцем на голове и словами: «С легким паром!» На розовом лице исчезнут лишние морщинки, а которые останутся, то будут уже родными и любимыми вовеки.